

Мы – ленинградские беженцы.

Интервью с Галиной Яковлевной Вершининой записала Марина Адольфовна Демчук:

- Представьтесь, пожалуйста.

- Вершинина Галина Яковлевна, 1939 год рождения.

- Где Вы жили, когда началась война?

- Мы жили в Ленинграде, в коммунальной квартире. Мой отец, Городня Яков Яковлевич, перед войной служил на Балтфлоте матросом, а когда его комиссовали по болезни, пошел токарем-станочником на Кировский завод. Там уже был налажен выпуск танков.

- Вы помните начало войны?

- Я помню, когда начинался обстрел, детей загоняли домой. Мне было два с небольшим года. Помню, как падала через высокий порог и кричала «Вога! Вога!» - полностью слово «тревога» еще не выговаривала.

- Вы были единственный ребенок в семье?

- На начало войны нас у родителей было двое. Я родилась 10 марта 1939, а братик Володя – 31 августа 1941.

- Детей из Ленинграда постарались эвакуировать, когда создалась угроза окружения города. Вас тоже эвакуировали? Только вас с братом? Или родители отправились в эвакуацию с вами?

- Заводы стали эвакуировать, Отец работал на заводе. Тогда и нашу семью отправили через Ладогу.

Я помню увязанные узлы с пожитками. Мама держала на руках закутанного братишку. Ему всего два месяца было. Папа возился со мной. На мне были мальчишковые ботиночки, сверху намотаны какие-то тряпки в несколько слоев - для тепла, и все это втиснуто в валенки не по размеру, поэтому еще сверху какие-то портянки, чтобы при ходьбе не потерять обувь и не замерзнуть.

Когда нас разместили в кузове грузовика, то сверху накрыли какими-то брезентовыми кусками – для защиты от ветра и брызг на Ладоге. Сильно качало, бросало из стороны в сторону. Под колесами шумела вода. Было страшно, холодно и очень хотелось есть. Папа прижимал меня к себе, пытался успокоить. Давал маленький черный сухарик и наказывал: «Не грызи, а соси, как конфетку, тогда надольше хватит». Потом отец всегда говорил, что нас Бог охранял.

- *Куда отправили вашу семью?*

- В Челябинск.

Как мы ехали до Челябинска, не помню. Нас привезли туда на грузовиках, высадили у Дома культуры, велели сидеть под лестницей и никуда не отходить, чтобы не потеряться и чтобы никто не украл вещи.

- *Чем занимались в эвакуации Ваши родители?*

- Отец на другой же день пошел на тракторный завод. Там уже наладили выпуск танков, нужны были рабочие руки. График был жесткий, работали и спали прямо в цехах, без выходных. Отца мы почти не видели, с завода рабочих не выпускали. А мама была дома.

- *Где вас разместили?*

- Нас, эвакуированных, поселили в пустых казармах на берегу речки Миасс. Много-много комнатенок. Стены все щелястые, вместо дверей – навешенные куски брезента. Никакой мебели. Даже веника не было. А вещички висели на гвоздиках. Я помню черный отцовский «выходной» костюм. Это была вещь ИЗ ЛЕНИНГРАДА. Его очень берегли; он висел на стене, на гвоздике, сверху его накрыли от пыли газетами. Однажды к нам в казарму зашел вор. Взрослых никого не было, одна ребятня. Прошелся по комнатам, у кого что взял. А у нас – папин костюм. Я закричала, побежала за ним, а за мной – все ребята... Вой на всю улицу подняли.

- *Удалось поймать вора?*

- Да, какой-то прохожий помог. Ох, как этого вора молотили... Потом милиция появилась. Костюм нам вернули.

- *Как вы жили? Чем питались?*

- Мы с мамой ходили к проходной. Мама приносила отцу постиранное белье, а грязное забирала для стирки. А папа делился с нами своим пайком. Сам голодал, но всегда какие-то кусочки вынимал из кармана для нас. И тогда у нас с братом был пир. Мамина сестра, тетя Настя, прислала с Украины посылку с подсолнечными семечками. Нам с братом было задание их перебрать; вычищенные семечки мама пожарила на плите и ходила продавать стаканами. На эти деньги можно было купить что-нибудь из еды.

- *А что носили из одежды, из обуви?*

- Что мы носили, я не помню. Мама осенью записала меня в первый класс школы № 38. Нас построили по классам возле школы. Первую учительницу, Валентину Трофимовну, я запомнила на всю жизнь: красивая, с уложенными волосами, в шелковой блузке «горошком»; я влюбилась в нее. Она была добрая, ласковая, даже

отдала мне какую-то сумочку, напоминающую портфель, потому что у меня ничего не было.

А зимой... Зимних вещей у меня не было. На всю жизнь запомнила, как мама вела меня в школу: мои ноги в ботинках вставила в хромовые сапоги отца, поверх пальтишка закутала в старую лохматую шубейку 50-го размера, а на голову намотала татарский клетчатый платок и вела, держа меня за плечи, потому что я в этом облачении постоянно падала. Мама вытаскивала меня из сугроба, очищала от снега, отыскивала в снегу свалившийся с меня сапог или потерявшуюся варежку, и мы шли дальше. В школе она вытряхивала меня из теплых вещей и узел с вещами уносила домой, а я бежала в класс. Надо мной подсмеивались.

- А что еще запомнилось из школьных лет?

- Самое любимое время на уроках – когда Валентина Трофимовна разрешала выдернуть листок из тетрадки и положить перед собой; она очень аккуратно и бережно насыпала каждому на листок из стаканчика сахарный песок, а потом на подносе разносила каждому по маленькому кусочку ржаного хлеба. А еще учила, как бережно свернуть кулечек, чтобы отнести сахар домой и поделиться с родными.

- А какие-нибудь игрушки, развлечения у вас с братом были?

- Только улица. Мы, как могли, сами себя занимали. Меня спасала моя куколка, которую мама смастерила из каких-то лоскутков. Я ее из рук не выпускала, без конца ее ласкала, придумывала ей наряды, баюкала. Когда от соседок перепадал какой-нибудь лоскуток, это был праздник.

- А вообще праздники какие-нибудь были?

- Иногда папа выносил на проходную хозяйственное мыло, это был праздник. Мама мыла нас в корыте. Мытье вообще было праздником. Если папа вырывался на выходной день с тракторного завода, мама устраивала ему баню в кухне: грела воду, выгоняла нас на улицу собирать всякие щепки, чтобы огонь в печке не погас, и драила отца мочалкой. После бани отец спал, набирался сил, а мама стирала и кипятила его грязное белье, чинила, складывала в узелок и веревочную сетку.

Но один день запомнился на всю жизнь: конец войны, Победа. У соседей было радио – черная тарелка, и они включили его на полную громкость.

Все столы в казарме сдвинули в ряд вплотную, все табуретки собрали, все стульчики. А на столе такое изобилие еды... У кого что было. Женщины принесли свои тарелки, блюда, граненые стаканы. А еда? Мы забыли или не знали, что такое может быть: капустные листья целиком, маринованные или соленые, не знаю; картошка в кожуре печеная, вареная; свекла; зеленый горошек, обжаренный на подсолнечном масле и чуть-чуть присоленный... Так пахло от всего этого, что задохнуться можно. У кого что было, все выложили на стол; нам, детям, дали тыквенных семечек. Хлеб – по карточкам, поэтому у каждого свой кусочек. Откуда-то зеленая бутылка – большая, толстая, которой «командовал» мужчина. Сколько было шума, слез, песен,

воспоминаний, радовались и... не верили до конца, что все позади, что солдаты вернутся.